

Цинь Вэньяо поднял голову и посмотрел назад. Там уже никого не было, и он сказал:

— Теперь закройте здесь и вызовите полицию. Нельзя допустить, чтобы пострадали иностранные гости.

Менеджер Ли вздрогнул, оглянувшись. Многие иностранные гости уже встали со своих мест и собирались уйти.

Менеджер, конечно, не мог позволить им уйти просто так. Это был Пекин, и такой инцидент мог серьезно повредить репутации ресторана. Он сразу громко объявил:

— Уважаемые гости, сегодняшний инцидент испортил ваш аппетит. Мы решили сделать сегодняшний ужин бесплатным. Пожалуйста, вернитесь за столы, и мы принесем каждому новое блюдо в качестве компенсации. Просим отведать.

Гости, услышав это, вернулись за столы, хотя большинство из них уже не думало о еде, кроме тех, кто действительно был голоден.

Разобравшись с этим, менеджер подошел к Цинь Вэньяо:

— Господин Цинь, может, отвезем Цинь-шао в больницу? Все расходы мы покроем.

Цинь Вэньяо усмехнулся, затем развернулся и велел Сяо Ли взять Хань Цзэ и идти следом. Он не мог поверить, что кто-то посмел тронуть его сына. Если он найдет виновного, тот пожалеет об этом.

Хань Цзэ и Цинь Янь были доставлены в больницу. Ся Лань была в панике, но после полного обследования выяснилось, что у Цинь Яня был только ушиб мягких тканей на руке. Несмотря на это, Ся Лань настояла на том, чтобы он остался в больнице на день для наблюдения.

Хань Цзэ чувствовал себя немного виноватым. Возможно, он слишком сильно толкнул Цинь Яня, и тот ударился.

— Прости, Янь-гэ, может, я тогда слишком сильно толкнул тебя.

— Что ты говоришь? Если бы не ты, меня бы, возможно, ранило ножом, — успокоил его Цинь Янь, держа его за руку.

— Кто бы это мог быть? Чжэн Лиань?

— Не знаю. Если это он, то он сам накликал беду. Ему не на кого будет жаловаться, — сказал Цинь Янь и холодно усмехнулся.

Хань Цзэ посмотрел на него и по выражению его лица понял мысли. Кто бы ни стоял за этим, теперь у него будут большие проблемы. Цинь Янь, с тех пор как переродился, не терял времени даром, создавая свои связи, в отличие от Хань Цзэ, который был занят заработком денег. Шэнь Хао и остальные двое были ядром его первой группы влияния. Возможно, он что-то замыслил без ведома Хань Цзэ, но это было неплохо. Он знал, как создать себе опору, и такие люди идут далеко.

Вечером та троица пришла и рассказала Цинь Яню все, что им удалось узнать за это время. Оказалось, семья Чжэн отправила Чжэн Лианя в Шанхай на самолете, насильно увезла его мать-шумиха, а старейшина Чжэн ходил в дом Цинь. Те, кто участвовал в нападении, к вечеру

уже оказались в полицейском участке.

Хань Цзэ не нужно было думать дважды, чтобы понять, что это дело рук Чжэн Лианя. Но он удивлялся, как тот мог решиться на такое, действуя в многолюдном месте. Его нынешний уровень интеллекта явно не соответствовал уровню из прошлой жизни.

В итоге Хань Цзэ и Цинь Янь вернулись домой на следующий день, но это был новый дом в Правительственном квартале. Дома их уже ждали. Узнав, что они провели ночь в больнице, бабушка Хань не стала возражать. Она даже навестила Цинь Яня и, убедившись, что с мальчиками все в порядке, перестала волноваться. Сегодня был день новоселья семьи Цинь, и они пришли поздравить как раз тогда, когда Хань Цзэ и Цинь Янь вернулись.

Войдя в дом, Хань Цзэ осмотрелся и сказал Цинь Яню:

— Теперь мы соседи.

— Угу, — ответил Цинь Янь, держа его за руку и садясь рядом со старейшиной Цинь. Это было его привычное место в последнее время, и семья смотрела на это сквозь пальцы, молчаливо разрешая.

Сяо Сяо, не видевший Хань Цзэ весь вечер, подбежал к нему:

— Братик, ты вчера не пришел домой, я не мог уснуть.

Хань Цзэ погладил его по голове:

— Сяо Сяо, ты уже большой мальчик. После ужина иди спать. Вчера Цинь Янь-гэ был в больнице, и я должен был быть с ним, поэтому вернулся только сегодня.

Сяо Сяо обрадовался, потерся головой о руку Хань Цзэ и сел рядом с ним, улыбаясь во весь рот.

Цинь Янь смотрел на него с раздражением. Если бы он не был его будущим зятем, он бы точно его отлупил. Он постоянно приставал к Хань Цзэ, чувствуя себя словно его сыном.

Пока Цинь Янь хмурился, Хань Цзэ тихо смеялся, а Сяо Сяо радостно болтал, глядя на них с горящими глазами. Эта трогательная сцена, полная детского тепла, надолго запомнилась всем присутствующим, и спустя годы семья все еще с улыбкой вспоминала этот момент.

Приехавшая из Шанхая Цинь Сяогу доставала фотоаппарат и фотографировала всех. Когда камера наводилась на троих детей, она делала больше снимков, а потом даже положила свою уже умеющую переворачиваться дочь на руки Хань Цзэ, чтобы сделать снимок с ней на руках.

Сяо Сяо увидел малыша и очень заинтересовался:

— Тетя, можно мне сфотографироваться с маленькой сестренкой?

Цинь Сяогу улынулась:

— Конечно можно.

Она позволила ему обнять свою дочь по имени Наньнань и сделала снимок.

Хань Цзэ тихо сказал Цинь Яню:

— Фото для помолвки.

Цинь Янь взглянул на него, затем встал перед камерой:

— Тетя, сделай нам фото одних.

Цинь Сяогу сделала несколько снимков. Когда она закончила, губы Хань Цзэ задрожали от сдерживаемого смеха. Ревность Цинь Яня никуда не делась.

Через несколько дней на их прикроватных тумбочках стояли рамки с их совместными фотографиями. Это были цветные снимки, что поразило Хань Цзэ, так как раньше фотографии были в основном черно-белыми.

В этом году Хань Цзэ исполнилось пять лет. Он больше не был тем бедным мальчиком с северо-востока. Его состояние было очень солидным, и семья с радостью наблюдала перемены, произошедшие с ним за последние полгода.

Сегодня было начало января. После начала школьных каникул он сидел дома и подводил итоги накопления своего богатства за это время. Результат был неплохим: земля в Пэнчэне, которая должна была отойти ему, уже была в его руках, а в Пекине он скупил немало особняков. В основном он сдавал их в аренду, но всю ценную мебель и вещи вынес и перевез в одну пустующую усадьбу. Теперь это было его хранилище сокровищ, и за ним присматривали люди.

К тому же, весь ценный фарфор был отправлен к старейшине Вану для проверки и на хранение. На самом деле Цянь Лин уже все оценила, а отправка старику Вану была просто для отвода глаз.

У старейшины Вана была работа — он состоял в Бюро по оценке культурных реликвий. В свободное время его часто приглашали оценить антиквариат и картины, но после волнений он стал вести очень скрытный образ жизни, не желая выходить из дома. Обычно он занимался каллиграфией и живописью, но на днях позвонил и попросил Хань Цзэ зайти, сказав, что есть дело.

Хань Цзэ собрался и пошел, и, конечно, Цинь Янь пошел с ним, а также маленький Сяо Сяо, который везде следовал за ними.

У усадьбы они неожиданно встретили нескольких человек, которые разговаривали со старейшиной Ваном у входа. Увидев подходящего Хань Цзэ с ребятами, старейшина Ван сказал стоящим перед ним людям:

— Эта усадьба принадлежит этому мальчику. Я здесь не распоряжаюсь. Если вам есть что сказать, обращайтесь к нему.

С этими словами он махнул рукой и вошел во двор.

Увидев, что за детьми следуют двое взрослых, те люди ничего не сказали и ушли, though все равно бросили несколько любопытных взглядов на усадьбу.

Хань Цзэ показалось, что эти лица ему знакомы. Он на мгновение задумался, затем подошел Фэн Кай:

— Хань-шао, это те самые люди, которые съезжали, когда мы впервые встретились здесь со старейшиной Ваном.

Только тогда Хань Цзэ вспомнил. Он кивнул, но не придал этому особого значения:

— Передай, чтобы они больше не беспокоили моего наставника.

Фэн Кай кивнул и вместе с детьми вошел в усадьбу, заперев за собой ворота. Их двор был самым красивым в этом хутуне, все было отремонтировано и очень заметно, так что зависть окружающих была неизбежна.

Хань Цзэ вошел в библиотеку и увидел старейшину Вана, читающего книгу за столом. Увидев входящих, он отложил книгу и подозвал Хань Цзэ к себе жестом руки.

<http://bllate.org/book/16662/1527598>